

В. Л. БУРЦЕВЪ

ВЪ ЗАЩИТУ ПРАВДЫ

Перестанутъ ли они клеветать?

Дѣло ген. П. П. Дьяконова.

Дѣло полк. А. Н. Попова и полк. Н. А. де-Роберти.

Заговоръ молчанія.

.....

(Изданіе “ОБЩАГО ДѢЛА”)

Парижъ.

**Imp. des Travailleurs Intellectuels,
9 bis, rue Bellot, PARIS (19^e).**

1931.

СОДЕРЖАНИЕ :

1. ПЕРЕСТАНУТЬ ЛИ ОНИ КЛЕВЕТАТЬ?	3
2. ВЪ ЗАЩИТУ ПРАВДЫ. ДѢЛО О КЛЕВЕТѢ	7
3. ВЫНУЖДЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ КЪ ФРАНЦУЗСКОМУ СУДУ	9
4. НА СУДѢ “ВОЗРОЖДЕНІЕ” ОБВИНЯЛО НЕ ГЕН. ДЬЯ- КОНОВА, А ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ	11
5. “ВОЗРОЖДЕНІЕ” ОКЛЕВЕТАЛО ПОГИБШИХЪ	12
6. СУДЬБА ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ	13
7. КТО ОБВИНЯЛЪ ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ И ВЪ ЧЕМЪ ИХЪ ОБВИНЯЛИ?	14
8. ОНИ ПОЛАГАЛИ, ЧТО НА МЕРТВЫХЪ МОЖНО ВСЕ ВАЛИТЬ!	16
9. КУТЕПОВЪ РАЗСТАЛСЯ СЪ ПОПОВЫМЪ И ДЕ-РО- БЕРТИ, КАКЪ СЪ ДРУЗЬЯМИ	17
10. ПОСЛѢ СВОЕГО “ПРИЗНАНІЯ” ДЕ-РОБЕРТИ ВО ВСЕ НЕ ЧУВСТВОВАЛЪ СЕБЯ РАЗОБЛАЧЕННЫМЪ	18
11. РАЗОБЛАЧИВШИ СЕБЯ КУТЕПОВУ, ДЕ-РОБЕРТИ НЕ МОГЪ БЫ ЪХАТЬ ВЪ РОССІЮ	19
12. РАЗКАЗЪ ПОЛКОВНИКА ЗАРИЩЕВА — КЛЕВЕТА НА КУТЕПОВА	21

В. Л. БУРЦЕВЪ

ВЪ ЗАЩИТУ ПРАВДЫ

Перестанутъ ли они клеветать?

Дѣло ген. П. П. Дьяконова.

Дѣло полк. А. Н. Попова и полк. Н. А. де-Роберти.

Заговоръ молчанія.

.....

(Изданіе “ОБЩАГО ДѢЛА”)

Парижъ.

**Imp. des Travailleurs Intellectuels,
9 bis, rue Bellot, PARIS (19^e).**

1931.

Перестанутъ-ли они клеветать?

(Вмѣсто предисловія).

Все то, что читатели прочтутъ ниже въ настоящей брошюрѣ по дѣлу ген. П. П. Дьяконова, полк. А. Н. Попова и полк. Н. А. де-Роберти, въ главныхъ чертахъ было нами рассказано мѣсяцевъ десять тому назадъ въ 7 и 8 номерахъ “Общаго Дѣла”, а еще позднѣе въ 9 номеръ въ январь мѣсяцъ этого года.

Въ своихъ статьяхъ въ “Общемъ Дѣлѣ” мы рѣшительно протестовали и возражали противъ того, что редакція “Возрожденія” и полк. Зайцевъ писали о ген. Дьяконовѣ, о полк. Поповѣ и полк. де-Роберти. Но на наши статьи мы не дождались никакихъ возраженій. Намъ не отвѣчали ни въ печати, ни частнымъ образомъ.

Во французскомъ судѣ по дѣлу ген. Дьяконова (въ мартъ этого года) его обвинители, правда, больше не рѣшались поддерживать свою клевету противъ него. Но у нихъ не хватило ни гражданскаго мужества, ни простаго благоразумія не доводить дѣла до французскаго суда, и еще до того, какъ онъ состоялся послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, взять назадъ свои обвиненія.

Зато у нихъ съ избыткомъ хватило и недоразумія, и политическаго цинизма, чтобы на этомъ французскомъ судѣ топтать въ грязь ими же погубленныхъ Попова и де-Роберти и безъ колебаній обвинять ихъ въ самомъ страшномъ — какое только можетъ быть — преступленіи — въ предательствѣ.

Своего адвоката г. Эрлиша они даже убѣдили не только

повторить на судъ обвиненія противъ Попова и де-Роберти, но попытаться увѣрить французскій судъ, что обвиненія Попова и де-Роберти, какъ агентовъ ГПУ, настолько безспорно установлены среди русскихъ, что никто въ этомъ даже не сомнѣвается.

Ген. Дьяконовъ, его свидѣтели и его защитники на судъ категорически протестовали противъ обвиненій Попова и де-Роберти. Послѣ этого можно было ожидать, — собственно даже нельзя было не ожидать, — что обвинители Попова и де-Роберти послѣ суда попытаются снова хоть какънибудь обосновать свои обвиненія. Но мы до сихъ поръ не дождались съ ихъ стороны никакихъ возраженій на наше обвиненіе ихъ въ клеветѣ на Попова и на де-Роберти, а потому мы снова бросаемъ имъ обвиненіе въ томъ же и будемъ ждать отъ нихъ ответа.

Тѣ, кто обвиняли ген. Дьяконова, очень вѣроятно, въ данное время замолкнутъ или, по крайней мѣрѣ, притаятся со своими обвиненіями. Но ограничатся ли они тѣмъ, что замолчатъ о бывшихъ своихъ противъ него обвиненіяхъ или сочтутъ себя обязанными объяснить, какъ они могли дойти до той клеветы, кто былъ истинными ихъ вдохновителями, на чьихъ показаніяхъ они строили свою клевету и кто были у нихъ главными клеветниками?

Мы увидимъ также, пожелаютъ ли эти обвинители по поводу Попова и де-Роберти впредь поддерживать свои обвиненія или они тоже ограничатся молчаніемъ, или же — у нихъ даже не хватитъ мужества сознаться, что всѣ ихъ обвиненія Попова и де-Роберти не были ровно ни на чемъ не основаны и въ самомъ лучшемъ случаѣ только ими были высосаны изъ пальца?

Во всякомъ случаѣ ген. Дьяконовъ, который уже такъ много сдѣлалъ для защиты доверъвшихъ ему Попова и де-Роберти, несомнѣнно, не оставитъ ихъ дѣла безъ дальнѣйшей защиты и будетъ требовать отвѣта отъ ихъ обвинителей.

Скажемъ еще два слова объ одной странной разновидности обвинителей Попова и де-Роберти.

Есть такіе обвинители, которые готовы признать, что де-Роберти не виновенъ и агентамъ ГПУ не былъ, а виновнымъ является только Поповъ.

Конечно, такъ разсуждать могутъ только люди, кто къ своимъ обвиненіямъ даже тогда, когда они связаны съ такими имѣющими огромное общенациональное значеніе дѣлами, какъ дѣло Кутепова, относятся съ безграничнымъ легкомысліемъ, и для кого безразлично, говорятъ ли они правду, или клеветаютъ.

Въ обвиненіяхъ въ провокаціи нѣтъ мѣста полубоиненіямъ. Человѣкъ можетъ быть агентомъ ГПУ или не имѣть съ нимъ ничего общаго. Полуагентовъ ГПУ не бываетъ.

Узнать, что Поповъ агентъ ГПУ, де-Роберти, конечно, могъ не въ Берлинѣ, куда онъ съ нимъ пріѣхалъ одновременно, а въ Россіи. На свиданіе съ Кутеповымъ онъ пріѣзжалъ съ Поповымъ или только, какъ его сообщникъ, — агентъ ГПУ, или какъ членъ одной и той же революціонной анти-большевицкой организаціи.

Не разоблачить Попова, какъ члена ГПУ, и въ должнхъ бесѣдахъ съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рыссомъ, послѣ отъѣзда изъ Берлина Кутепова, де-Роберти могъ только, какъ его сообщникъ, самъ тоже агентъ ГПУ.

Ухватъ снова въ Россію влѣсть съ Поповымъ, опять таки не сорвавъ съ него маски, онъ могъ только, какъ предатель и какъ членъ ГПУ.

Словомъ, вопросъ заключается не въ томъ — могъ ли де-Роберти не быть агентомъ ГПУ, если онъ зналъ, что Поповъ является такимъ агентомъ, а въ томъ, — зналъ ли и вообще, допускалъ ли онъ даже мысль, что Поповъ агентъ ГПУ?

Но даже для постановки такого вопроса нѣтъ никакихъ основаній.

Для обвиненія Попова и де-Роберти существуетъ въ сущности одно только показаніе полк. Зайцева о томъ, что онъ слышалъ отъ Кутепова, да нѣсколько намековъ Кутепова еще нѣкоторымъ лицамъ, которыя являются лишь блѣдными вариантами того же, что приписываетъ полк. Зайцевъ Кутепову.

Совершенно непонятно, какъ могли люди строить свои страшныя обвиненія противъ Попова и де-Роберти, основываясь только на словахъ полк. Зайцева!

Они, конечно, не могли не сознавать, какія послѣдствія должны были имѣть для Попова и де-Роберти ихъ разоблаченія въ заграничной печати, какъ сообщниковъ Кутепова, послѣ ихъ возвращенія въ Россію. Не могли они также не со-

знавать и того, какъ эти ихъ утвержденія могли отражаться затѣмъ на разслѣдованіи всего дѣла Кутепова.

Обвиненія Попова и де-Роберти (на этожъ мы категорически настаиваемъ) должны быть пересмотрѣны, наконецъ, не въ порядкѣ журнальной полемики, а при серьезномъ разслѣдованіи дѣла въ компетентной комиссіи.

Тѣ, кому пришлось организовывать разслѣдованіе дѣла Кутепова, проявили необыкновенное легкомысліе и это разслѣдованіе вели, какъ политики-сапожники, полагаясь на полк. Зайцева и на ген. Заварзина.

Ихъ отношеніе къ дѣлу Попова и де-Роберти намъ позволяетъ съ увѣренностью сказать, что дѣло разслѣдованія похищенія Кутепова еще не начато. Своей ровно ни на чемъ не основанной клеветой они въ этожъ дѣль только сбили на ложный путь и судебныя власти.

Разслѣдованіе дѣла Кутепова должно быть, наконецъ, начато на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ оно велось до сихъ поръ.

Въ защиту правды

ДѢЛО О КЛЕВЕТѢ

28-го мая этого года былъ объявленъ приговоръ французскаго суда по дѣлу ген. Дьяконова противъ “Возрожденія”.

“Возрожденіе” обвинено въ диффамациі.

Обвиненіе было предъявлено г. А. О. Гукасову, какъ издателю “Возрожденія”, и Ю. Ф. Семенову, какъ отвѣтственному редактору.

На судѣ формально обвинялся только г. Семеновъ (да г. Мюра, какъ жеранъ), потому что г. Гукасовъ, привлекавшійся также къ суду, заявилъ, что онъ не является отвѣтственнымъ за то, что пишется въ “Возрожденіи”.

Дѣло касалось исключительно русскихъ вопросовъ, и французскій судъ, конечно, не разбиралъ ихъ по существу. Онъ предъ собой ставилъ только вопросъ: была ли, дѣйствительно, диффамация въ статьяхъ “Возрожденія”?

“Возрожденіе” и полк. Зайцевъ въ продолженіи года обвиняли ген. Дьяконова и ген. Корганова въ сношеніяхъ съ большевиками вообще, и, въ частности, съ якобы завѣдомыми агентами ГПУ полк. А. Н. Поповымъ и полк. Н. А. де-Роберти.

Ген. Дьяконовъ и ген. Коргановъ немедленно же послѣ появленія клеветническихъ статей въ “Возрожденіи” потре-

бовали отъ своихъ обвинителей, чтобы они или отказались отъ обвиненій или согласились на разборъ дѣла въ специальной комиссіи или въ третейскомъ судѣ.

Они обращались къ обвинителямъ и лично, и въ печати. Но имъ или совсѣмъ не отвѣчали, или въ отвѣтахъ обходили молчаніемъ сущность ихъ протестовъ. Во всякомъ случаѣ обвиненіе ген. Дьяконова никогда никѣмъ изъ обвинителей не было взято назадъ, и никто изъ нихъ не принялъ вызова на третейскій судъ.

Исчерпавъ всѣ возможности получить отвѣтъ отъ своихъ обвинителей, ген. Дьяконовъ обратился во французскій судъ.

Судъ нѣсколько разъ откладывался. Обвинители имѣли много времени взять назадъ свои обвиненія, чтобы покончить дѣло въ русской средѣ, но они не только не дѣлали этого, а до послѣдняго времени продолжали клеветать и усиленно собирали матеріалы для своихъ “обвиненій” ген. Дьяконова. Они не брезгали показаніями даже завѣдомыхъ клеветниковъ. Составили досье противъ ген. Дьяконова и еще недавно цитировали его (не называя по имени ген. Дьяконова) въ одной изъ передовыхъ статей “Возрожденія”.

Для “Общаго Дѣла” все время было внѣ сомнѣній, что обвиненія ген. Дьяконова и ген. Корганова — явная клевета, — и притомъ клевета сознательная.

Оба они — русскіе патріоты, антибольшевики. Относительно ихъ не можетъ быть и мысли о какой-либо ихъ связи съ большевиками, или о томъ, чтобы они сознательно могли защищать какого-нибудь большевика. Если же они и защищали, напр., Попова и де-Роберти отъ обвиненій, что они — агенты ГПУ, то внѣ всякаго сомнѣнія, только потому, что были убѣждены, что тѣ никогда ими не были.

На самомъ процессѣ представители “Возрожденія” настаивали на томъ, что ихъ не поняли и что они никогда не обвиняли ген. Дьяконова въ большевизмѣ, а только указывали на его неблагоразуміе и неосторожность въ отношеніи къ такимъ завѣдомымъ (!) провокаторамъ ГПУ, какъ Поповъ и де-Роберти, и что всѣ клеветническія фразы въ статьяхъ “Возрожденія” по адресу ген. Дьяконова слѣдуетъ разсматривать, какъ не относящіяся лично къ нему.

Прекратятъ ли теперь, послѣ приговора суда, эти обвинители свою клевету на ген. Дьяконова, — или же будутъ по-прежнему клеветать до новаго суда, чтобы тамъ снова увѣрять, что они никогда его не обвиняли?

ВЫНУЖДЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ КЪ ФРАНЦУЗСКОМУ СУДУ

Со своими обвиненіями “Возрожденія” въ клеветѣ ген. Дьяконовъ обратился во французскій судъ, конечно, не для разъясненія дѣла Кутепова или оправданія Попова и де-Роберти.

Въ наши эмигрантскія дѣла мы не должны вмѣшивать иностранцевъ — прежде всего потому, что они и не могутъ въ нихъ разобраться. Всѣ русскія дѣла мы должны разрѣшать въ нашей русской средѣ своими собственными средствами.

Обратиться къ французскому суду ген. Дьяконовъ былъ вынужденъ потому, что “Возрожденіе” отказалось передать его дѣло въ связи съ дѣломъ Попова и де-Роберти на разсмотрѣніе въ третейскомъ судѣ.

Одновременно съ этимъ ген. Дьяконовъ обратился и къ общественному мнѣнію. Для этого онъ на страницахъ “Общаго Дѣла” подробно разсказалъ свое дѣло и предъявилъ тамъ обвиненіе “Возрожденію”. Но со стороны общественнаго мнѣнія онъ не встрѣтилъ должной поддержки.

Въ эмиграціи, къ сожалѣнію, нѣтъ такого авторитетнаго учрежденія, которое могло бы заняться разборомъ протестовъ оклеветанныхъ.

Тогда-то передъ ген. Дьяконовымъ встала дилемма:

— или примириться съ тѣмъ, что клевета на него открыто распространялась въ ежедневномъ “національномъ” антибольшевистскомъ органѣ, какъ “Возрожденіе”, и такимъ образомъ оставить ее неопровергнутой,

— или же обратиться къ французскому суду и на немъ гласно потребовать отвѣта отъ клеветниковъ.

Въ то же самое время такая же дилемма стояла и передъ всѣми нами, представителями свободной русской печати, въ частности передъ “Общимъ Дѣломъ”.

Намъ всѣмъ нужно было сдѣлать выборъ:

— или пройти мимо протеста ген. Дьяконова, сказать: “Наша хата съ краю!”, “Знать ничего не знаемъ, вѣдать ничего не вѣдаемъ!”, “Не нашу тысячу рубяť!” и т. д.

— или, убѣдившись, что обвиненіе ген. Дьяконова — клевета, выступить съ открытой защитой его и требовать отвѣта отъ клеветниковъ.

Передъ ген. Дьяконовымъ была еще и другая диллема:

— или ему и ген. Корганову послѣ опубликованія ужасающихъ показаній полк. Зайцева о Поповѣ и де-Роберти, когда въ русской и европейской прессѣ началась вакханалія вокругъ ихъ именъ и когда всѣ повѣрили словамъ полк. Зайцева, — нужно было, подобно многимъ другимъ, жившимъ въ Парижѣ, кто работалъ и былъ въ дружескихъ и дѣловыхъ отношеніяхъ съ Поповымъ и де-Роберти, махнуть на нихъ рукой и присоединиться къ стану “обагряющихъ руки въ крови”, или — въ крайнемъ случаѣ, уйти въ сторону.

— или нужно было имѣть мужество крикнуть полк. Зайцеву: “Неправда!” — и несмотря на всѣ трудности положенія (а положеніе было, дѣйствительно, трудное) пытаться защищать имена оклеветанныхъ.

Такая же диллема была и передъ представителями русской свободной эмигрантской прессы.

Имъ нужно было:

— или присоединиться къ начатой травлѣ Попова и де-Роберти полк. Зайцевымъ и “Возрожденіемъ” (это было такъ легко сдѣлать!) или, по крайней мѣрѣ, уйти въ сторону.

— или прямо сказать: для обвиненія Попова и де-Роберти нѣтъ никакихъ основаній, и постараться пролить свѣтъ на эти странныя обвиненія.

Ген. Дьяконовъ по этимъ вопросамъ выбралъ второе “или”.

Необходимо прямо признать:

Ген. Дьяконовъ проявилъ необыкновенное мужество въ защитѣ тѣхъ, кому онъ вѣрилъ. Онъ пытался защитить ихъ имена въ печати, требовалъ третейскихъ судовъ и специальныхъ комиссій для разслѣдованія ихъ дѣла и, наконецъ, обратился во французскій судъ.

“Общее Дѣло” тоже выбрало вторые отвѣты на оба “или”, стоявшія передъ нимъ.

Мы обращались ко всѣмъ обвинителямъ ген. Дьяконова, Попова и де-Роберти и просили у нихъ доказательствъ ихъ

обвинений. Выслушали все, что они говорили. Настаивали на третейских судах и на комиссиях. Защиту всех этих дел мы перенесли в печать и впредь мы не перестанем защищать оклеветанных, пока или нам ни докажут, что мы ошибаемся, или мы заставим всех признать, что обвинявшие, клеветая, несмотря на предостережения, сознательно совершали преступление.

НА СУДЪ “ВОЗРОЖДЕНИЕ” ОБВИНЯЛО НЕ ГЕН. ДЬЯКОНОВА, А ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ

Если представители “Возрождения” и их защитники на судъ не рѣшались поддерживать своих обвинений противъ ген. Дьяконова, то они очень много говорили о Поповѣ и де-Роберти, какъ о провокаторахъ и агентахъ ГПУ.

Они, конечно, прекрасно знали, что обвинения Попова и де-Роберти не относятся къ делу ген. Дьяконова. Поднять эти темы имъ надо было не для обвинения ген. Дьяконова, а только для самооправдания, для того, чтобы указаніемъ на связь ген. Дьяконова съ Поповымъ и де-Роберти произвести нужное впечатлѣніе на судей.

Одинъ изъ защитниковъ, адвокатъ Эрлишъ, заявилъ, что “Возрождение”, обвиняя Попова и де-Роберти, находитъся “въ хорошей кампаніи”, такъ какъ на нихъ, какъ на агентовъ ГПУ, смотреть и французскій комиссаръ, который велъ слѣдствіе по делу Кутепова, — Фо-Па-Биде.

Ссылка на Фо-Па-Биде была, конечно, не вѣрна. Онъ никакихъ официальныхъ заявленій обвинительнаго характера противъ Попова и де-Роберти не дѣлалъ и дѣлать не могъ, а въ одномъ интервью онъ даже отказывался высказаться по этому поводу.

Для того же адвокатъ Эрлишъ убѣждалъ французскій судъ, что на Попова и де-Роберти въ эмиграціи всѣ смотрятъ, какъ на агентовъ ГПУ.

Представитель ген. Дьяконова адв. Гонэнъ указалъ, что всѣ разсужденія “Возрождения” о Поповѣ и де-Роберти не имѣютъ никакого отношенія къ делу ген. Дьяконова, что среди русскихъ очень многіе отрицаютъ, чтобы Поповъ и де-Роберти были агентами ГПУ, и что во всякомъ случаѣ обвинители Попова и де-Роберти не привели никакихъ оснований для доказательства своихъ обвинений.

*Адвокатъ судъ слѣдствія о похищеніи генерала Кутепова,
Фо-Па-Биде былъ прикомандированъ самимъ агентомъ и
меншевикомъ изъ французской государственной службы.
Н.Р.*

Дѣлавшіяся до суда и на судѣ попытки обвинить Попова и де-Роберти — это какая-то дикая вакханалія вокруг имени разстрѣлянныхъ въ ГПУ, организованная “Возрожденіемъ” исключительно въ интересахъ самозащиты всѣми способами, хотя бы и недопустимыми ни съ политической, ни съ моральной точки зрѣнія.

Мы не сомнѣваемся, что если бы Поповъ и де-Роберти не были разстрѣляны, благодаря полк. Зайцеву, а находились бы за границей, они, какъ ген. Дьяконовъ, начали бы съ требованія отъ сотрудниковъ “Возрожденія” третейскаго суда, а въ случаѣ отказа съ ихъ стороны они обратились бы къ тому же самому французскому суду, въ который обратился и ген. Дьяконовъ.

Мы не сомнѣваемся и въ томъ, что на этомъ судѣ сотрудники “Возрожденія”, такъ же, какъ и на процессѣ ген. Дьяконова, не осмѣлились бы поддержать свои обвиненія.

То, что ниже читатели прочтутъ о нашемъ взглядѣ на дѣло Попова и де-Роберти, не ново. Все это нами уже давно подробно было изложено въ “Общемъ Дѣлѣ” въ отвѣтъ полк. Зайцеву на его статьи. Но мы ни разу не встрѣтили возраженій на наши объясненія легенды о, якобы, сдѣланномъ признаніи де-Роберти, что онъ — агентъ ГПУ.

“ВОЗРОЖДЕНІЕ” ОКЛЕВЕТАЛО ПОГИБШИХЪ

На судѣ г. Семеновъ, его защитники и свидѣтели говорили о Поповѣ и де-Роберти, какъ о доказанныхъ агентахъ ГПУ, предателяхъ Кутепова, много лѣтъ игравшихъ у большевиковъ роль агентовъ-provokatorовъ.

Клеветническая кампанія, которая систематически велась на страницахъ “Возрожденія” противъ ген. Дьяконова, а съ другой стороны — противъ Попова и де-Роберти, совершенно безпримѣрна въ русской журналистикѣ по своей жестокости, цинизму и по отсутствію какихъ-нибудь основаній для обвиненій, а также по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ.

Поповъ и де-Роберти, несомнѣнно, были антибольшевики. Имъ, какъ и всѣмъ вообще антибольшевикамъ, въ Россіи жилось трудно. Но они даже и тамъ, въ условіяхъ совѣтской жизни, все-таки все время старались такъ или иначе бороться

съ большевиками. Для этого же они дѣлали попытки завязать сношенія и съ эмиграціей.

Въ эмиграціи дорожили связями съ ихъ военной организаціей. Знали имена наиболѣе извѣстныхъ ея участниковъ. Кутеповъ, напр., задолго до своей послѣдней поѣздки въ Берлинъ зналъ, что въ этой военной организаціи принималъ участіе де-Роберти, бывший начальникъ его штаба, къ кому онъ всегда относился съ уваженіемъ.

Членамъ этой организаціи эмигранты давали для нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ серьезныхъ дѣлъ адреса своихъ довѣренныхъ лицъ въ Россіи, которыя благополучно живутъ тамъ и до сихъ поръ, и не разъ посылали къ нимъ въ Россію своихъ специальныхъ курьеровъ.

Въ концѣ 1929 г. Кутеповъ настоялъ на томъ, чтобы для него было устроено свиданіе съ членами этой организаціи въ Берлинѣ. Мѣсто свиданія было выбрано самимъ Кутеповымъ, а не по выбору Попова и де-Роберти для удобства ГПУ, какъ увѣрялъ на судѣ адвокатъ Эрлишъ.

СУДЬБА ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ

Заграницу Поповъ и де-Роберти пріѣзжали въ началѣ января 1930 г., какъ служащіе въ специальныхъ большевистскихъ организаціяхъ. 8 февраля, послѣ окончанія командировки, они должны были возвратиться въ Россію.

Мы достовѣрно знаемъ, что въ Россіи Поповъ и де-Роберти скоро были арестованы, — да послѣ показаній полк. Зайцева иначе и не могло бы быть. Одновременно съ ними были арестованы и тоже, какъ и они, погибли многіе другіе члены ихъ военной организаціи.

Никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о нихъ мы не имѣли. Только относительно де-Роберти нами было получено определенное извѣщеніе отъ его товарищей, что онъ былъ разстрѣлянъ. Кромѣ того, мы достовѣрно знаемъ, что его семья послѣ его ареста не имѣла о немъ никогда болѣе никакихъ свѣдѣній. Въ настоящее время его жена и дѣти совершенно разорены, голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова и

живутъ тѣмъ, что выполняютъ самую тяжелую работу при грузкѣ вагоновъ на вокзалѣ.

КТО ОБВИНЯЛЪ ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ И ВЪ ЧЕМЪ ИХЪ ОБВИНЯЛИ?

Съ самаго начала разслѣдованія дѣла о похищеніи Кутепова полк. Зайцевъ сдѣлался посредникомъ между русскими официальными кругами, занятыми дѣломъ Кутепова, и французскими судебными властями. Онъ былъ экспертомъ съ русской стороны.

Благодаря полк. Зайцеву документы и записки ген. Кутепова были переданы не туда, куда слѣдуетъ, гдѣ бы ихъ могли должнымъ образомъ изучить въ связи съ похищеніемъ Кутепова и въ связи съ революціонными организаціями въ Россіи, съ которыми онъ сносился послѣднее время. О судьбѣ этихъ документовъ, вотъ, уже цѣлый годъ никто, кому это вѣдать слѣдуетъ, не имѣетъ никакого понятія.

Благодаря полк. Зайцеву и его русскимъ руководителямъ не были допрошены самые нужные свидѣтели по дѣлу Кутепова и отъ его разслѣдованія въ русской средѣ были устранены наиболѣе компетентныя лица. Разслѣдованіе было передано гг. Жижину, Заварзину и другимъ, которые занялись главнымъ образомъ не кутеповскимъ дѣломъ, а культивированіемъ клеветы противъ различныхъ лицъ, — особенно противъ ген. Дьяконова.

Съ первыхъ же дней похищенія Кутепова полк. Зайцевъ все время былъ главнымъ обвинителемъ Попова и де-Роберти.

Это онъ съ самаго начала слѣдствія указалъ французскимъ властямъ на Попова и де-Роберти, какъ на агентовъ ГПУ и какъ на организаторовъ похищенія Кутепова. Этими своими показаніями онъ сразу поставилъ на ложный путь разслѣдованіе всего дѣла Кутепова.

Главнымъ основаніемъ для обвиненія Попова и де-Роберти у полк. Зайцева было то, что онъ по дорогѣ изъ Берлина въ Парижъ отъ Кутепова слышалъ о, якобы, сдѣланномъ ему де-Роберти признаніи.

Де-Роберти, по словамъ Зайцева, оставшись съ глазу на глазъ съ Кутеповымъ въ Берлинѣ послѣ перваго общаго свиданія, на которомъ, кромѣ Кутепова и де-Роберти, были

Поповъ и полк. Зайцевъ, по собственной инициативѣ будто бы сознался, что онъ и Поповъ — агенты ГПУ. При этомъ де-Роберти разсказалъ ему о томъ, что видные чекисты (между прочимъ, онъ указалъ на доктора Гольденштейна) во время ихъ перваго свиданія сидѣли въ сосѣдней комнатѣ и подслушивали ихъ разговоръ.

Невозможность явно вздорной басни о подслушиваніи ихъ разговора въ обстановкѣ, въ которой онъ происходилъ, обстоятельно доказана ген. Дьяконовымъ въ “Общемъ Дѣлѣ”.

Этого подслушиванія, очевидно, не могло быть. Да въ немъ и надобности не было бы, если бы Поповъ и де-Роберти, дѣйствительно, были агентами ГПУ! Если же Кутеповъ это, дѣйствительно, говорилъ полк. Зайцеву, то это онъ могъ сказать только для какихъ-нибудь своихъ специальныхъ конспиративныхъ цѣлей (какихъ — нетрудно догадаться), а не потому, что ему это говорилъ де-Роберти.

Другимъ основаніемъ, въ сущности только повторяющимъ разсказъ полк. Зайцева, для обвиненія Попова и де-Роберти было еще то, что, пріѣхавъ въ Парижъ, Кутеповъ безъ упоминанія именъ Попова и де-Роберти говорилъ ген. Шатилову, кн. Трубецкому, пор. Критскому и еще нѣкоторымъ другимъ объ общемъ разочарованіи отъ поѣздки въ Берлинъ. По ихъ словамъ, Кутеповъ считалъ необходимымъ порвать связи съ организаціей, отъ которой пріѣзжали къ нему туда делегаты изъ Россіи. Объ ихъ организаціи, по словамъ этихъ лицъ, онъ отзывался, какъ о несерьезной, и даже подозрительной, какъ о новомъ “Трестѣ”, т. е. организаціи, находящейся черезъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ сношеніяхъ съ ГПУ.

Конечно, мы не знаемъ, въ какихъ именно выраженіяхъ говорилъ Кутеповъ все то, что ему теперь приписываютъ, а главное для чего все это говорилъ.

Никакихъ другихъ данныхъ для обвиненія Попова и де-Роберти нѣтъ и не было ни у полк. Зайцева, ни у кого изъ остальныхъ ихъ обвинителей.

Въ разсказахъ полк. Зайцева и другихъ о поѣздкѣ Кутепова въ Берлинъ несообразности тѣсно переплетены съ явной неправдой и непониманіемъ того, о чемъ они разсказываютъ. Разсказчики, очевидно, надѣялись, что никто не будетъ разбираться въ томъ, что они говорили, — и имъ повѣрятъ на слово.

ОНИ ПОЛАГАЛИ, ЧТО НА МЕРТВЫХЪ МОЖНО ВСЕ ВАЛИТЬ!

Но если бы клеветники согласились на третейскій судъ или на разборъ дѣла въ специальной комиссіи, какъ это имъ предлагали ген. Дьяконовъ и ген. Коргановъ, а также редакторъ "Общаго Дѣла", то можно было бы привести много доказательствъ того, что рассказъ полк. Зайцева не заслуживаетъ никакого вниманія.

У насъ нѣтъ никакихъ основаній смотрѣть на Попова и де-Роберти, какъ на агентовъ ГПУ, — и далеко не всѣ, знакомые лично съ ними и съ ихъ дѣломъ, обвиняютъ ихъ въ этомъ. Наоборотъ, не только ихъ товарищи въ Россіи, но и тѣ эмигранты, кто имѣлъ съ ними дѣло, всегда относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Такъ относились къ Попову, пріѣзжавшему раньше въ Парижъ, Кутеповъ, П. Я. Рыссъ, ген. Дьяконовъ, ген. Коргановъ и другіе, — между прочимъ, и г. Семеновъ, — и въ настоящее время никто изъ нихъ, кромѣ г. Семенова, не считаетъ Попова и де-Роберти агентами ГПУ, несмотря на клевету, которая систематически распространялась относительно ихъ на страницахъ "Возрожденія".

По словамъ самого полк. Зайцева, Кутеповъ встрѣтилъ въ Берлинѣ Попова и де-Роберти съ полнымъ довѣріемъ. Изъ Берлина онъ уѣхалъ, не видѣвъ никого, кто бы могъ сказать ему о нихъ что-нибудь компрометирующее. Такимъ образомъ, неблагоприятныхъ свѣдѣній о нихъ Кутеповъ ни отъ кого въ Берлинѣ получить не могъ и самъ ни къ кому въ Берлинѣ не обращался относительно нихъ съ какими-нибудь предостереженіями.

Слѣдовательно, все, что потомъ со словъ Кутепова говорили противъ Попова и де-Роберти, все это основано исключительно на, якобы, сдѣланномъ признаніи самого де-Роберти.

Но ничего подобнаго тому, что Кутеповъ о Поповѣ и де-Роберти говорилъ полк. Зайцеву, а затѣмъ кн. Трубецкому, ген. Шатилову, пор. Критскому и другимъ, онъ не говорилъ только людямъ не своего окруженія.

О провокаціи Попова и де-Роберти Кутеповъ ничего не сказалъ тѣмъ, кому объ этомъ онъ, повидимому, не могъ бы не сказать, напр., ген. Корганову, который все время былъ въ Парижѣ и черезъ кого онъ два послѣдніе года велъ сношенія съ ихъ организаціей. Объ этомъ онъ не предупредилъ даже ни ген. Дьяконова, ни П. Я. Рысса, относительно кото-

рыхъ онъ хорошо зналъ, что они вслѣдъ за нимъ должны ѣхать въ Берлинъ на свиданіе съ Поповымъ и де-Роберти.

Кутеповъ вернулся въ Парижъ 20 января утромъ. Ген. Дьяконовъ уѣхалъ въ Берлинъ 20 вечеромъ, а П. Я. Рыссъ — 24-го, — похищенъ же Кутеповъ былъ 26-го.

Слѣдовательно, если бы Кутеповъ сознавалъ (а какъ онъ могъ не сознавать!?) необходимость предупредить о предательствѣ Попова и де-Роберти ген. Корганова, ген. Дьяконова, П. Я. Рысса и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей, бывшихъ въ то время въ Парижѣ, о связи которыхъ съ Поповымъ и де-Роберти онъ прекрасно зналъ, то онъ имѣлъ достаточно для этого времени. Онъ могъ бы вдогонку уѣхавшимъ въ Берлинъ послать спеціальнаго курьера, дать имъ предостерегающія телеграммы, написать письма, или заставить все это сдѣлать того же ген. Корганова.

О предательствѣ Попова и де-Роберти Кутеповъ не сказалъ ничего и въ Берлинѣ членамъ своей берлинской организаціи, кто могъ бы принять мѣры противъ остающихся въ Берлинѣ провокаторовъ, хотя бы въ ожиданіи пріѣзда въ Берлинъ на свиданіе съ ними ген. Дьяконова и ген. Корганова, которыхъ нужно было предупредить, чтобы они были осторожны съ этими провокаторами.

КУТЕПОВЪ РАЗСТАЛСЯ СЪ ПОПОВЫМЪ И ДЕ-РОБЕРТИ, КАКЪ СЪ ДРУЗЬЯМИ

Прощаясь съ Поповымъ и де-Роберти, Кутеповъ, по словамъ полк. Зайцева, въ его присутствіи расцѣловался съ обоими ими.

Полк. Зайцевъ въ это время еще не подозрѣвалъ, что ему скоро по дорогѣ въ Парижъ расскажетъ Кутеповъ о де-Роберти и, навѣрное, самъ горячо прощался съ Поповымъ и де-Роберти или даже, можетъ быть, и расцѣловался съ ними, какъ и Кутеповъ.

Если повѣрить рассказу полк. Зайцева о сознаніи де-Роберти, то нельзя не признать, какая трагическая сцена происходила при прощаніи Кутепова и полк. Зайцева съ Поповымъ и де-Роберти.

Два заговорщика (Кутеповъ, якобы слышавшій отъ де-Роберти, что онъ и Поповъ — агенты ГПУ, и де-Роберти, только что признавшійся, что онъ — агентъ ГПУ) дружески

бесѣдуютъ съ Поповымъ и полк. Зайцевымъ, которые не догадываются, что оба они выданы: одинъ — Кутепову, другой — ГПУ! Потомъ они съ поцѣлуями расстаются...

То, что Кутепову при прощаніи съ Поповымъ и де-Роберти нужно было расцѣловаться съ обоими агентами ГПУ, а не разоблачать ихъ немедленно же, полк. Зайцевъ объясняетъ тѣмъ, что Кутеповъ... далъ де-Роберти "честное слово офицера", что онъ не выдастъ его послѣ сдѣланнаго имъ признанія, что онъ — агентъ ГПУ!

Не буду оцѣнивать, на какой моральной и политической точкѣ зрѣнія стоитъ въ этихъ разсужденіяхъ полк. Зайцевъ.. Нѣтъ никакой необходимости это дѣлать... Тутъ, дѣйствительно комментаріи излишни...

Съ **покаявшимся** ему чекистомъ де-Роберти Кутеповъ; по объясненію полк. Зайцева, расцѣловался для того, чтобы **непокаявшійся** чекистъ Поповъ не понялъ, что онъ уже выданъ де-Роберти, и, слѣдовательно, дальше не можетъ разсчитывать продолжать играть роль агента ГПУ.

Но, правда, Кутеповъ не сдержалъ "честнаго слова офицера", даннаго "provokatorу" де-Роберти и объ его признаніи дорогой же въ Парижъ разсказалъ полк. Зайцеву. Онъ тогда же подъ секретомъ посвятилъ его въ тайну, что въ Берлинѣ они видѣлись не съ революціонерами - заговорщиками, а съ provokatorами изъ ГПУ!

ПОСЛѢ СВОЕГО "ПРИЗНАНІЯ" ДЕ-РОБЕРТИ ВОВСЕ НЕ ЧУВСТВОВАЛЪ СЕБЯ РАЗОБЛАЧЕННЫМЪ

Поповъ и де-Роберти, оставшись послѣ Кутепова въ Берлинѣ, имѣли черезъ нѣсколько дней свиданіе съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рыссомъ, и они совместно вчетверомъ обсуждали, какъ бороться съ большевиками.

Ген. Дьяконовъ, вспоминая въ настоящее время тогдашнія свои встрѣчи въ Берлинѣ съ Поповымъ и де-Роберти, въ продолженіи десяти дней и до полученія извѣстія о похищеніи Кутепова и **послѣ**, когда между ними такъ много говорилось о революціонной борьбѣ съ большевиками, категорически заявляетъ, что ни де-Роберти, ни Поповъ за всѣ эти дни ни разу не подавали ни малѣйшаго основанія думать, что они уже разоблачены и что ихъ provokatorская роль поэтому уже кончена. Наоборотъ, они все время увѣ-

ренно говорили о своей будущей совместно съ Кутеповымъ борьбѣ съ большевиками.

Особенно было бы поразительно поведение де-Роберти въ Берлинѣ въ разговорахъ съ ген. Дьяконовымъ послѣ похищенія Кутепова, если допустить, что онъ, дѣйствительно, сознался Кутепову, что онъ — агентъ ГПУ. Не могъ же де-Роберти предполагать, что Кутеповъ до своего похищенія совершенно никому не сказалъ объ его признаніи, а эмигранты, зная и то, что онъ — агентъ ГПУ, и то обстоятельство, что только что съ нимъ имѣлъ дѣло Кутеповъ, всю вину за похищеніе Кутепова не ввалили бы на него, хотя бы въ данномъ случаѣ онъ и не былъ виновенъ.

Показанія ген. Дьяконова объ его переговорахъ съ Поповымъ и де-Роберти послѣ похищенія Кутепова рѣшительно не позволяютъ даже допускать мысли, что они сознавали, что они въ это время уже были разоблачены или даже только могутъ быть разоблачены.

Для такого спокойствія, по крайней мѣрѣ, одного де-Роберти, о сдѣланномъ признаніи котораго въ это время уже говорилъ полк. Зайцевъ, было, очевидно, мало полной увѣренности, что Кутеповъ, уѣзжая изъ Берлина, рѣшилъ выполнить свои обѣщанія, прикрывъ его въ данное время. Ему нужно быть увѣреннымъ, что Кутеповъ твердо рѣшилъ и въ будущемъ его никогда не разоблачать, и такимъ образомъ благословлялъ его на дальнѣйшую работу въ ГПУ.

Такъ вести себя, какъ послѣ отъѣзда Кутепова велъ себя де-Роберти съ ген. Дьяконовымъ, онъ могъ только въ одномъ случаѣ: **если онъ никакого признанія Кутепову не дѣлалъ.**

И, дѣйствительно, такъ вести себя, какъ онъ велъ во время всѣхъ переговоровъ съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рысомъ, де-Роберти могъ только потому, что **никакихъ признаній Кутепову, что онъ — агентъ ГПУ, онъ не дѣлалъ.**

РАЗОБЛАЧИВШИ СЕБЯ КУТЕПОВУ, ДЕ-РОБЕРТИ НЕ МОГЪ БЫ ЪХАТЬ ВЪ РОССИЮ

Послѣ своихъ свиданій съ де-Роберти и Поповымъ ген. Дьяконовъ и П. Я. Рыссы должны были возвратиться въ Парижъ, чтобы тамъ продолжать съ Кутеповымъ конспирацію, начатую ими въ Берлинѣ вмѣстѣ съ ними.

Проводивши ген. Дьяконова и П. Я. Рысса, Поповъ и де-Роберти уѣзжаютъ въ Россію для доклада ГПУ, при чемъ Поповъ не подозрѣваетъ, что де-Роберти выдалъ его со всѣми его тайнами одновременно и Кутепову и ГПУ!

Какое это кошмарное свиданіе въ самомъ дѣлѣ должно было бы быть у Кутепова въ Берлинѣ съ де-Роберти и Поповымъ, если хоть на минуту повѣрить разсказу полк. Зайцева!

Если принять на вѣру слова, приписываемыя Кутепову о де-Роберти, то роковая ошибка берлинскаго свиданія заключалась бы **вовсе** не въ томъ, что конспираторъ имѣлъ дѣло съ провокаторами и провокаторы его обманывали. Это, къ сожалѣнію, обычное явленіе во всѣхъ конспираціяхъ всѣхъ временъ.

Ошибка, и даже гораздо болѣе, чѣмъ ошибка, заключалась бы въ томъ, что конспираторъ, зная, что имѣетъ дѣло съ провокаторами, цѣловался бы съ ними вмѣсто того, что-бы немедленно ихъ разоблачить.

Что думаютъ и тѣ, которые допускаютъ мысль, что Кутеповъ, узнавши, что де-Роберти и Поповъ — провокаторы, сейчасъ же не забилъ тревогу и не разоблачилъ ихъ, а позволилъ имъ спокойно бесѣдовать съ тѣми, кто не подозрѣвалъ, что они провокаторы, а затѣмъ этимъ провокаторамъ давалъ возможность неразоблаченными ѣхать въ Россію для работы въ ГПУ и тамъ съ новыми свѣдѣніями, почерпнутыми за границей, дѣлать свое кровавое дѣло по указкѣ ГПУ!

Предъ всѣми, кто вѣритъ разсказу полк. Зайцева, не могутъ не стоять кромѣ того два слѣдующіе вопроса.

На что рассчитывалъ де-Роберти, **рѣшаясь возвратиться въ Россію** послѣ своего разоблаченія Кутепову?

На награду отъ ГПУ въ Москвѣ, когда тамъ будутъ извѣстны его разоблаченія?

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не могъ же де-Роберти, уѣзжая въ Россію, серьезно допускать, что Кутеповъ навсегда сохранитъ отъ всѣхъ тайну его разоблаченій и объ его разоблаченіяхъ никогда не узнаютъ въ ГПУ?

Или онъ надѣялся на какую-то награду отъ Кутепова, оставшагося за-границей, когда, вернувшись въ Москву, онъ тамъ очутится снова въ рукахъ Менжинскаго и Ягоды?

Отвѣты на эти вопросы не подлежатъ сомнѣнію.

Если де-Роберти рѣшился вернуться въ Россію, зная,

что его “разоблаченія”, сдѣланныя Кутепову, не останутся тайной, — это значитъ, что никакихъ разоблаченій ему онъ и не дѣлалъ и никогда агентомъ ГПУ не былъ.

Это — яснѣе яснаго!

РАЗСКАЗЪ ПОЛК. ЗАЙЦЕВА — КЛЕВЕТА НА КУТЕПОВА

Разсказъ полк. Зайцева не выдерживаетъ никакой критики. Если бы онъ былъ хоть частично вѣренъ, то это было бы тяжкимъ обвиненіемъ Кутепова. Это, несомнѣнно, доказывало бы, что Кутеповъ укрывалъ двухъ видныхъ чекистовъ и давалъ имъ возможность использовать для своихъ цѣлей, напр., свиданіе съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рыссомъ, которые, не подозрѣвая провокаціи, могли бы въ Берлинѣ имъ много разсказать интереснаго для ГПУ. Затѣмъ Поповъ и де-Роберти, благодаря Кутепову, могли бы съ новымъ запасомъ свѣдѣній ѣхать изъ Берлина въ Россію для доклада ГПУ и тамъ безпрепятственно продолжать свою провокаторскую работу.

Этого невозможно допустить!

Относительно свиданія Кутепова съ Поповымъ и де-Роберти мы не имѣемъ права сказать въ печати всего того, что могли бы сказать въ третейскомъ судѣ или въ комиссіи, занятой разборомъ дѣла Попова и де-Роберти въ связи съ организаціей Кутепова.

Разумѣется, менѣе всего мы могли это сказать въ залѣ суда, когда представители “Возрожденія” для своей самозащиты обливали грязью Попова и де-Роберти и называли ихъ агентами ГПУ. На это именно, очень вѣроятно, и разсчитывали тѣ, кто не приняли сдѣланные имъ вызовы и разбирательству дѣла въ русской средѣ предпочли разбирательство во французскомъ судѣ.

СВИДАНИЯ КУТЕПОВА СЪ ПОПОВЫМЪ И ДЕ-РОБЕРТИ ПРОИСХОДИЛИ ИНАЧЕ, ЧѢМЪ ЭТО РАЗСКАЗЫВАЕТЪ ПОЛК. ЗАЙЦЕВЪ

На самомъ же дѣлѣ въ Берлинѣ происходило, конечно, нѣчто совершенно иное, чѣмъ это разсказываетъ полк. Зайцевъ.

По пріѣздѣ въ Берлинъ Кутепова Поповъ и де-Роберти

послѣ перваго общаго свиданія, на которомъ былъ и полк. Зайцевъ, когда остались втроемъ, высказали ему свое неудовольствіе, которое сквозило у нихъ еще въ ихъ письмѣ въ Парижъ, что онъ сразу не пріѣхалъ въ Берлинъ, а вмѣсто себя сначала прислалъ полк. Зайцева, къ которому они относились отрицательно.

Своими разсказами и всѣмъ своимъ поведеніемъ полк. Зайцевъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Берлинъ еще до прибытія туда Кутепова поразилъ Попова и де-Роберти. Они не могли понять, какъ такого человѣка Кутеповъ могъ прислать для серьезныхъ конспиративныхъ разговоровъ!

Поповъ и де-Роберти заявили Кутепову, что общее мнѣніе ихъ товарищей въ Россіи, что въ его организаціи неблагополучно и что она хорошо освѣщается ГПУ. Въ данномъ случаѣ они повторили только то, о чемъ въ эмиграціи говорили очень многіе и чего не могъ отрицать и самъ Кутеповъ. Поэтому они просили впредь Кутепова никоимъ образомъ не связывать ихъ съ его окруженіемъ. Они сами настоятельно просили Кутепова, чтобы онъ распространялъ слухи, что порвалъ съ ними и что относится къ нимъ отрицательно.

Кутеповъ согласился съ Поповымъ и де-Роберти и въ дальнѣйшемъ рѣшилъ имѣть дѣло съ ними черезъ ген. Дьяконова и П. Я. Рысса, минуя свое окруженіе.

Они втроемъ (Кутеповъ, Поповъ и де-Роберти, — полк. Зайцевъ не присутствовалъ) выработали планъ дальнѣйшей совместной работы. Этотъ планъ Поповъ и де-Роберти вскорѣ въ Берлинѣ же обсуждали вмѣстѣ съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рыссомъ, пріѣхавшими изъ Парижа.

Въ чемъ состояли эти ихъ планы, мы знаемъ со словъ находящихся въ настоящее время въ Парижѣ ген. Дьяконова и П. Я. Рысса.

Поповъ и де-Роберти, разставаясь съ Кутеповымъ, дали ему свои адреса для сношеній въ Россіи, а Кутеповъ въ свою очередь далъ имъ одинъ изъ своихъ интимныхъ адресовъ въ Парижѣ для срочной переписки съ нимъ. Этотъ адресъ былъ сообщенъ ими ген. Дьяконову, — и онъ имѣется у насъ.

Но о своихъ переговорахъ втроемъ съ Поповымъ и де-Роберти и о дальнѣйшихъ планахъ работы съ ген. Дьяконовымъ и П. Я. Рыссомъ Кутеповъ не сказалъ ни слова полк. Зайцеву ни тогда, когда онъ былъ въ Берлинѣ, ни тогда, когда онъ по дорогѣ въ Парижъ разсказывалъ ему, якобы, о признаніяхъ, сдѣланныхъ де-Роберти. Кутеповъ не сказалъ

ему даже о томъ, что вслѣдъ за ними въ Берлинъ должны были прїѣхать для продолженія переговоровъ ген. Дьяконовъ и П. Я. Рыссъ. О томъ, что ген. Дьяконовъ былъ въ Берлинѣ, полк. Зайцевъ узналъ отъ самого ген. Дьяконова только въ Парижѣ уже послѣ похищенія Кутепова.

Это молчаніе Кутепова очень знаменательно.

КУТЕПОВЪ НЕ ОБВИНЯЛЪ НИ ПОПОВА, НИ ДЕ-РОБЕРТИ

Кутеповъ еще въ Берлинѣ понялъ, что свои отношенія съ тайной русской военной организаціей, завязанныя черезъ Попова и де-Роберти, ему необходимо вести не только безъ всякой связи со своимъ окруженіемъ, но необходимо показать тѣмъ, кто уже знали, къ кому онъ ѣздилъ въ Берлинъ, что онъ съ ихъ организаціей порвалъ всѣ бывшія у него отношенія и относится къ ней отрицательно — и даже опасается ея.

Возвратившись въ Парижъ, Кутеповъ, конечно, уже не могъ не сознавать, какое роковое значеніе имѣла его поѣздка въ Берлинъ. Онъ, конечно, не могъ не допускать того, что эта его поѣздка и свиданіе съ прїѣхавшими офицерами могутъ сдѣлаться извѣстными ГПУ. Онъ понималъ и то, чѣмъ въ такомъ случаѣ все это кончится, или, вѣрнѣе, чѣмъ это не можетъ не кончиться.

Для этого-то онъ еще дорогой въ интимной бесѣдѣ съ полк. Зайцевымъ, чтобы усыпить его вниманіе, выдумываетъ рассказъ о признаніи де-Роберти, что онъ и Поповъ — чекисты.

Когда Кутеповъ прїѣхалъ въ Парижъ, главной мыслью его было — усыпить вниманіе своего окруженія относительно завязанныхъ сношеній съ военной организаціей въ Россіи. Вотъ почему о своемъ разочарованіи въ этой организаціи и даже о томъ, что онъ ея опасается, Кутеповъ началъ говорить многимъ изъ своего окруженія, отъ кого ему было необходимо скрыть истинный характеръ своихъ дальнѣйшихъ отношеній къ ней. Этимъ онъ рассчитывалъ хоть нѣсколько парализовать тѣ несчастія, которыя, какъ онъ опасался, могли развиться надъ русской организаціей, благодаря его поѣздкѣ въ Берлинъ.

Этимъ объясняется и то, почему своими мнимыми опасеніями на счетъ Попова и де-Роберти и признаніемъ де-Роберти

Кутеповъ не спѣшитъ подѣлиться ни съ ген. Дьяконовымъ, ни съ ген. Коргановымъ, ни съ П. Я. Рыссомъ. Онъ хорошо знаетъ, что они одинаково съ нимъ смотрятъ на Попова и де-Роберти, и ему поэтому не нужно было скрывать отъ нихъ истинный характеръ своихъ связей съ ихъ организаціей.

СВИДАНІЕ ПОПОВА И ДЕ-РОБЕРТИ СЪ ГЕН. ДЬЯКОНОВЫМЪ И П. Я. РЫССОМЪ

Когда послѣ отъѣзда Кутепова изъ Берлина туда пріѣхалъ ген. Дьяконовъ, а потомъ и П. Я. Рыссъ, Поповъ и де-Роберти имъ обоимъ передали свои разговоры съ Кутеповымъ и просили по поводу ихъ подробно переговорить съ Кутеповымъ немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ.

Разговоры всѣхъ ихъ были очень интимны и душевны. Они вѣрили другъ другу и придавали серьезное значеніе намѣченнымъ планамъ своей дальнѣйшей совмѣстной съ Кутеповымъ работы. Редакторъ "Руля" передалъ намъ о восторгѣ, съ которымъ П. Я. Рыссъ наканунѣ своего отъѣзда въ Парижъ рассказывалъ ему о своихъ бесѣдахъ "съ пріѣхавшими изъ Россіи".

О похищеніи Кутепова П. Я. Рыссъ узналъ, когда возвратился въ Парижъ. Ген. Дьяконовъ объ этомъ узналъ еще въ Берлинѣ и видѣлъ, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвело на Попова и де-Роберти это извѣстіе. Они просили его навести справки, не было ли на Кутеповѣ въ моментъ похищенія какихъ-либо замѣтокъ объ ихъ берлинскомъ свиданіи и что сдѣлалось съ адресами, которые они ему дали. Ихъ безпокоила мысль, не сможетъ ли ГПУ узнать объ этомъ ихъ свиданіи?

8-го февраля Попову и де-Роберти, когда кончился срокъ ихъ заграничной командировки, пришлось уѣхать въ Россію.

Уѣзжая, они не знали того, что въ это время въ Парижѣ ихъ уже съ головой выдалъ полк. Зайцевъ, и противъ нихъ уже начала приготовляться гнуснѣйшая клевета!

СВИДѢТЕЛИ НА СУДѢ ПОДДЕРЖИВАЛИ КЛЕВЕТНИКОВЪ

На судѣ подъ присягой давалъ показанія г. Осиповъ. Относительно Попова онъ показалъ, что по свѣдѣніямъ

политической организаціи, къ которой онъ принадлежитъ, было установлено, что Попова, послѣ его берлинской поѣздки, ГПУ перевело на Кавказъ, гдѣ онъ и работаетъ сейчасъ подъ другой фамиліей.

Можно увѣренно сказать, что г. Осиповъ можетъ говорить только отъ имени одной частной розыскной организаціи, работающей въ связи съ другой специальной (нерусской) организаціей, и что организаціей г. Осипова по дѣлу Попова и де-Роберти не было получено не только безспорныхъ, но и вообще никакихъ, заслуживающихъ вниманія, свѣдѣній, какъ не было о нихъ напечатано никакихъ заслуживающихъ вниманія свѣдѣній ни въ “Возрожденіи”, сотрудникомъ котораго является г. Осиповъ, ни въ какихъ-либо другихъ органахъ печати.

Другимъ свидѣтелемъ былъ вызванъ б. судебный слѣдователь г. Шаповаленко.

На судѣ о де-Роберти онъ повторилъ то, что онъ раньше напечаталъ въ “Возрожденіи”, а именно, что де-Роберти въ 1920 г., при соблюденіи всѣхъ формальностей, былъ приговоренъ военнымъ судомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ къ лишенію всѣхъ правъ за выдачу разрѣшенія на вывозъ хлѣба въ Грузію.

То же самое о де-Роберти на страницахъ того же “Возрожденія” раньше рассказывалъ и бывший прокуроръ г. Чебышевъ.

Въ этихъ статьяхъ гг. Чебышевымъ и Шаповаленко все рассказано было по памяти или по слухамъ, односторонне, пристрастно, явно только съ единственной цѣлью скромпрометировать де-Роберти въ прошломъ.

На судѣ про де-Роберти были повторены всѣ нелѣпости, печатавшіяся раньше въ “Возрожденіи”, напр., что при эвакуаціи въ 1920 г. онъ будто бы перекинулся къ большевикамъ, пользуясь своими старыми связями съ ними.

Исторію съ де-Роберти въ Новороссійскѣ въ “Возрожденіи” вспомнили для того только, чтобы можно было сказать, что онъ, какъ обвиненный и скромпрометированный въ военномъ судѣ, **могъ** еще въ то время перекинуться къ большевикамъ и, слѣдовательно, **могъ** затѣмъ всѣ десять лѣтъ до похищенія Кутепова быть агентомъ большевиковъ.

“Возрожденію” нужно было напомнить обо всемъ этомъ

и на судъ ген. Дьяконова для того, чтобы убѣдить и французскій судъ, что де-Роберти, будучи предателемъ въ 1920 году, могъ оказаться предателемъ и въ дѣлѣ Кутепова въ 1930 г., а это какъ бы оправдывало клевету "Возрожденія" на ген. Дьяконова.

ПРАВДА ОБЪ ОБВИНЕНИИ ДЕ-РОБЕРТИ ВЪ 1920 г.

Когда дѣло де-Роберти будетъ разобрано въ русской средѣ на основаніи точныхъ документальныхъ данныхъ и свѣдѣтельскихъ показаній, несомнѣнно, будетъ доказано:

1. Судъ надъ де-Роберти въ 1920 г. происходилъ въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ, когда не были соблюдены элементарныя требованія правосудія.

2. Намеки на то, что де-Роберти уже въ 1920 г. былъ въ сношеніяхъ съ большевиками и во время эвакуаціи бѣжалъ къ большевикамъ (г. Чебышевъ говоритъ "пошелъ по проторенной дорожкѣ"), — ни на чемъ не основанная явная клевета.

3. Несправедливость обвиненій де-Роберти была понятна въ то время для многихъ. Его защитникомъ былъ тогда, между прочимъ, Кутеповъ. Если бы Кутеповъ въ то время допускалъ виновность де-Роберти въ государственной измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ большевиками, то онъ, конечно, въ 1928 - 30 г. г. не имѣлъ бы дѣла съ революціонной тайной организацией, виднымъ членомъ которой былъ этотъ самый де-Роберти, и, конечно, въ Берлинѣ онъ такъ тепло не встрѣтился бы съ нимъ въ 1930 г., какъ съ нимъ встрѣтился на самомъ дѣлѣ.

Но и въ настоящее время во всякомъ случаѣ въ дѣлѣ де-Роберти мы можемъ считать установленнымъ слѣдующее.

1. На процессѣ де-Роберти въ 1920 г. даже не упоминалось ни о какихъ слухахъ объ его связяхъ съ большевиками. Этого не могло бы не быть, если бы такіе слухи, дѣйствительно, существовали. Слѣдовательно, все, что писали на этотъ счетъ въ "Возрожденіи", даже какъ о чемъ-то совершенно установленномъ — явная выдумка.

Обвиненіе де-Роберти, какъ начальника Штаба Новороссійской области, въ связяхъ съ большевиками, не могло бы, конечно, не кончиться для него разстрѣломъ, и Кутеповъ въ такомъ случаѣ не могъ бы его защищать.

2. Обвиненіе де-Роберти, какъ занимавшаго очень отвѣтственное положеніе въ арміи, во время войны въ государственной измѣнѣ, какъ объ этомъ говорилось на процессѣ ген. Дьяконова, не могло кончиться приговоромъ къ 4 г. арестантскихъ ротъ. Оно могло кончиться только смертнымъ приговоромъ.

3. То, что намъ извѣстно объ обстановкѣ тогдашняго суда надъ де-Роберти, позволяетъ увѣренно сказать, что онъ состоялся при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ.

4. Если бы вина де-Роберти, даже не политическая, а моральная, была бы тогда ясна для всѣхъ, то его не могли бы поддерживать такіа лица, какъ ген. Кутеповъ. Между тѣмъ извѣстно, что Кутеповъ далъ о немъ самый блестящій отзывъ, который и былъ прочитанъ на судѣ.

Дѣло де-Роберти въ 1920 г. по характеру своихъ обвиненій одно изъ многихъ аналогичныхъ дѣлъ того времени. Оно хотя и не имѣетъ никакого отношенія ни къ текущей нашей борьбѣ съ большевиками, ни къ дѣлу Кутепова, ни къ дѣлу ген. Дьяконова, но благодаря особымъ задачамъ, преслѣдуемымъ "Возрожденіемъ", и въ настоящее время заставляетъ о себѣ говорить. Обвинители де-Роберти его новороссійскому дѣлу до сихъ поръ придавали такое исключительное значеніе, такъ много на немъ строили въ дѣлѣ Кутепова, и хваталась за него, какъ утопающій за соломинку, что этого дѣла нельзя оставить въ такомъ положеніи, въ какомъ оно находится въ настоящее время. Необходимо выяснить обстановку, при которой произошелъ судъ надъ де-Роберти въ 1920 г. и указать на ошибки этого суда. Это будетъ отвѣтомъ "Возрожденію", г. Н. Чебышеву и другимъ, кто хотѣлъ воспользоваться судомъ надъ де-Роберти въ 1920 г., для того, чтобы связать его съ обвиненіемъ, какъ агента ГПУ, въ 1930 г.

НУЖНО ДО КОНЦА РАЗОБЛАЧИТЬ КЛЕВЕТУ "ВОЗРОЖДЕНІЯ"

То, что у обвинителей ген. Дьяконова и ген. Корганова, Попова и де-Роберти нѣтъ не только достаточныхъ, но нѣтъ никакихъ основаній для ихъ обвиненія, — очевидно.

Но совершенно непонятно только, почему эти антибольшевики съ такой страстью и настойчивостью обвиняютъ въ большевизмѣ другихъ антибольшевиковъ?

Когда они клеветали, у нихъ, по всей вѣроятности, была надежда, что тѣ, на кого они клеветаютъ, не смогутъ ихъ заставить дать отвѣта.

Это было: и хладнокровный расчетъ на чужое горе и чужое несчастье, и легкое отношеніе къ чужому добродушію имени.

На процессѣ ген. Дьяконова и въ дѣлѣ Попова и де-Роберти мы видимъ на каждомъ шагу руку главнаго руководителя "Возрожденія" г. Гукасова. Онъ и долженъ дать отвѣтъ за все это.

Если же г. Гукасовъ думаетъ, что для него все позволено, то мы ему докажемъ, что онъ въ этомъ глубоко ошибается.

НАШЪ ВЫЗОВЪ ОБВИНИТЕЛЯМЪ

Французскій судъ сказалъ свое слово по обвиненію "Возрожденія" въ диффамаци.

Но судъ не могъ разобраться (и не разбирался) въ обвиненіяхъ Попова и де-Роберти, на которыхъ была построена вся самозащита "Возрожденія". Онъ не могъ разбираться (и не разбирался) и въ томъ, кто были истинными виновниками клеветы и на ген. Дьяконова, и на Попова и де-Роберти, что было ими сдѣлано для того, чтобы изъ ничего создать эту клевету, во что она обошлась тѣмъ, на кого клеветали, и чего она стоила для нашей общей борьбы съ большевиками.

Кампанія, которую вело "Возрожденіе", сводилась не только въ клеветѣ на отдѣльныхъ лицъ.

Это была политическая борьба, имѣвшая опредѣленные заданія, и она оставила по себѣ тяжкія послѣдствія въ нашей эмигрантской жизни.

Разсмотрѣть эти вопросы возможно только въ компетентной русской комиссіи.

Нельзя останавливаться на полпути.

Надо дѣло разъяснить до конца.

Поэтому необходимо, чтобы пострадавшіе отъ клеветы теперь же обратились бы къ г. Гукасову, какъ фактическому издателю и главному руководителю "Возрожденія", къ г. Семенову, какъ официальному редактору, и къ нѣкоторымъ другимъ отвѣтственнымъ лицамъ съ предложеніемъ организовать комиссію изъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей для окончательнаго разбора вопроса о клеветѣ, возведенной на Попова и де-Роберти и погубившей, какъ ихъ, такъ

и то дѣло борьбы съ большевиками, которое они вели въ самой Россіи.

Если же это предложеніе и на этотъ разъ не будетъ принято, то пострадавшіе должны обратиться къ извѣстнымъ общественнымъ дѣателямъ съ просьбою приступить къ разбору этого дѣла независимо отъ того, — согласятся-ли отвѣчать на сдѣланный имъ вызовъ тѣ, кто клеветали на Попова и де-Роберти.

Само собой разумѣется, редація “Общаго Дѣла” пойдетъ навстрѣчу такому рѣшенію довести начатое дѣло до конца и сдѣлаетъ все отъ нея зависящее “въ защиту правды”.

Заговоръ молчанія

По поводу процесса ген. Дьяконова по обвиненію “Возрожденія” въ клеветѣ (21-го апрѣля и 7-го мая) было двѣ замѣтки въ “Послѣднихъ Новостяхъ” и въ “Возрожденіи”. Въ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ была разсказана внѣшняя сторона процесса. Въ день объявленія приговора (21-го мая) въ тѣхъ же двухъ газетахъ кратко было сообщено о рѣшеніи суда. Этими замѣтками въ парижскихъ изданіяхъ и ограничилось почти все, что появилось объ этомъ процессѣ въ свободной эмигрантской печати. Еще менѣе о немъ было сказано въ другихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ внѣ Франціи.

Но, казалось, это дѣло заслуживало болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія.

Настоящая брошюра имѣетъ въ виду подробнѣе указать, въ чемъ заключалось обвиненіе “Возрожденія”.

Все, что читатели прочли выше, было нами приготовлено сначала въ видѣ письма въ редакцію и разослано въ различныя газеты, начиная съ “Посл. Нов.”, въ “Руль”, “За Свободу!”, “Сегодня”, “Наша Рѣчь” и другія съ правомъ дѣлать какія угодно сокращенія и сопровождать его какими угодно примѣчаніями.

Въ настоящее время намъ приходится констатировать, что нашимъ письмомъ не воспользовалось ни одно изъ перечисленныхъ нами изданій.

Наше письмо не было использовано и “Посл. Нов.”, издающимися въ Парижѣ, гдѣ издается и “Возр.”, и гдѣ былъ французскій судъ по этому дѣлу.

Мы могли разсчитывать на помѣщеніе нашего письма (или выдержекъ изъ него) по двумъ причинамъ:

1. Клевета на ген. Дьяконова и ген. Корганова, на полк. Попова и полк. де-Роберти была напечатана на страницахъ ежедневнаго органа “Возрожденіе”, поддерживалась имъ же

и въ передовыхъ статьяхъ, и въ статьяхъ полк. Зайцева, а потому она и получила особенно широкое распространение повсюду.

2. Эта клевета поддерживалась и въ нѣкоторыхъ отвѣтственныхъ политическихъ кругахъ. Надъ ея распространениемъ много поработали и члены комиссіи по разслѣдованію дѣла Кутепова.

Клеветники не ограничились тѣмъ, что пустили клевету.

Они систематически, въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ повторяли ее и все углубляли. Ими много дѣлалось для ея поддержанія.

Виновные въ ея распространеніи отказывались печатать возраженія, отказывались отъ объясненій, очныхъ ставокъ и третейскихъ судовъ съ тѣми, на кого они клеветали, или съ тѣми, кто противъ этого протестовалъ.

Виновные ни разу — даже наканунѣ французскаго суда — даже послѣ суда, гдѣ они были осуждены за клевету, не сдѣлали ничего, чтобы дать хотя бы моральное удовлетвореніе пострадавшимъ.

Эта клевета имѣла большія послѣдствія и для пострадавшихъ, и для многихъ изъ тѣхъ, кто связанъ съ ними.

Такимъ образомъ, эта клевета не могла не представлять большой общественной опасности и является показателемъ нездоровыхъ эмигрантскихъ нравовъ, — прежде всего журнальныхъ.

Все это давало намъ, казалось, полное право надѣяться на то, что представители русской печати, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Ригѣ, Варшавѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ помогутъ намъ обратить общественное вниманіе на эту вопіющую клевету и тѣмъ самымъ дадутъ должное удовлетвореніе пострадавшимъ.

Это въ то же самое время было бы и протестомъ противъ преступнаго легкаго отношенія къ имени другихъ, которое было обнаружено многими, и прежде всего “Возрожденіемъ”, въ дѣлѣ ген. Дьяконова и въ дѣлѣ полк. Попова и полк. де-Роберти.

Намъ, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что мы и до сихъ поръ не дождались того, на что имѣли право рассчитывать.

Вокругъ дѣла ген. Дьяконова и дѣла Попова и де-Робер-ти до сихъ поръ царить **заговоръ молчанія.**

Это заставляетъ насъ выпустить наше письмо въ редакцію отдѣльной брошюрой. Мы его печатаемъ такъ, какъ оно было разослано въ редакціи, и сопровождаемъ его только необходимымъ предисловіемъ.

Мы надѣемся, что на этотъ разъ русская заграничная политическая пресса не обойдетъ молчаніемъ того, о чемъ говорится въ нашей брошюрѣ, и познакомитъ съ этимъ широкое общественное мнѣніе.

Пусть они это сдѣлаютъ

“въ защиту правды”!
